

К семантической реконструкции русских «гностических» обозначений колдуна

В русских говорах обозначение людей, обладающих колдовскими способностями, по сей день довольно регулярно осуществляется посредством устойчивой речевой формулы, включающей глагол *знать* (*он знает, он знающий* etc.), которая отражает факт причастности колдуна к магическому знанию и, казалось бы, намекает на эвфемию. Представляется странным, что почти не встречаются номинации, связанные с непосредственным наблюдением над результатами колдовства (*умеет, делает, может* и т. п.), хотя совершенно очевидно, что в обыденной жизни для крестьянина наиболее важны именно результаты колдовских проявлений, а не сам по себе факт знания магических приемов (вообще говоря, скрытый от непосредственного наблюдения языкового коллектива). Тем не менее именно *знает* по каким-то причинам выбирается базовым глагольным способом обозначения колдунов. Сходную картину демонстрируют номинации колдунов, восходящие к праслав. **věděti*, в частности лексема *ведьма*, являющаяся одним из основных русских обозначений колдуньи.

В докладе делается попытка показать, что глагол *знать*, а также дериваты праслав. **věd-* в случае номинации колдунов не просто обозначают факт обладания определенным набором рецептурных магических знаний и приемов, а подразумевают знание тайн мироустройства, умение ощущать чудодейственную силу, управляющую миром, — другими словами, отражают иной способ мировидения, психического контактирования с миром, нежели тот, который характерен для обычных людей. Он заключается в умении перцептивно воспринимать и понимать то, что не дано простому человеку. На возможность такого положения дел, на наш взгляд, указывает ряд обстоятельств.

1. Оговоренная выше странность номинации *знает* и номинаций от **věd-* при условии обозначения ими только рецептурных магических

знаний и с учетом того, что деятельность колдуна ни в коей мере не является простой реализацией «клиентского запроса» обывателей, но часто совершается им исходя из собственных интенций.

2. Специфика организации «старшей» семантики глаголов *знать* и *ведать*, сочетающих в себе перцептивный и ментальный семантические компоненты, на базе чего развивается семантика способности «читать текст мира», т. е. понимать стоящие за внешними явлениями тайны мироздания.

Значимость перцептивного компонента обнаруживается в целом ряде дериватов гнезд *знать* и *ведать*. Ср.: рус. *знак*, др.-рус. *знакъ* ‘метка, клеймо’, *знатьба* ‘знак, след; признак’, *знамя* ‘пятно, метка; родинка’, *знатися* ‘виднеться’, *знатно* ‘заметно, видно’, *знатный* ‘ясный, четкий, хорошо видимый’ [СлРЯ XI–XVII, 6, 39, 46, 50–52] и пр. В гнезде *ведать* наиболее явно перцептивный характер семантики отражен в дериватах, обозначающих некий акт перцепции, совершаемый с какой-либо «содержательной» целью: рус. *проведасть кого-л.*, *проведасть о чем-л.*, *наведаться к кому-л.*, *отведать что-л.*, *разведать*, *разведка* и др. На актуальность перцептивного компонента в семантике глагола *ведать* указывает и его этимология (~ *vidĕti).

Понимание значимости сочетания перцептивного и ментального компонентов для организации семантики гнезд *знать* и *ведать* позволяет трактовать ряд их дериватов в свете отражения идеи о сверхъестественной способности к «прочтению текста бытия», постижению тайн мироустройства. Эта способность реализуется через перцептивное восприятие явлений окружающего мира и их последующую интерпретацию: др.-рус. *знамение* ‘знамение, предзнаменованье’, *небесное знамение* ‘расположение звезд, по которому астрологи предсказывали будущее’ [СлРЯ XI–XVII, 6, 42], рус. *предзнаменованье* и др. Аналогичным образом можно понимать рус. *вещий*, др.-рус. *въщати* ‘предвещать, предсказывать’, *въщба*, *въщество* ‘предсказание будущего; гадание’ [Там же, 2, 134–136] и пр. Кроме того, для гнезда *ведать* вообще характерна реализация семантики, связанной со знанием тайн бытия, недоступных обычному человеку, ср. др.-рус. *въдѣние*, *въдѣ*, *въдѣмение* ‘провидение, промысел; чудодейственная сила’ [Там же, 44, 50].

Вероятно, появление в гнездах семантики колдовства должно осмысляться именно в контексте способности «видеть и читать тайны

мира». На это указывают предполагаемые словообразовательные и семантические связи (др.-рус. *въдь* ‘провидение, промысел; чудодейственная сила’ ~ ‘колдовство, чародейство, знахарство’, *въщій* ‘предви́дящий, предска́зывающий’ ~ *жонка въщяя* ‘колдунья’ [Там же, 50, 136] etc.), а также несклонность дериватов гнезда *ведать* развивать семантику рецептурных знаний и чисто практических умений.

3. Наличие в языке фактов, отражающих представления о перцепции как о способе проникновения в тайны мира: рус. *слушать*, *смотреться* как виды святочных гаданий [СРНГ, 38, 321; СРГК, 6, 162, 178], *провидение*; вероятно, сюда же *видеть насквозь*, *предвидеть* и пр.

4. Номинации типа *Бог знает*, *бес знает*, *леший знает*, *чёрт знает* и пр., а также возможность интерпретировать их в рассматриваемом контексте.

5. Использование для обозначения колдунов глагола *знаться* (< *знаться с нечистой силой*): *он знается*. В данной номинации получают отражение представления о контактах колдуна и его перцептивных способностях: восприятие действительности колдуном и его с ней взаимодействие протекают не только в обыденном пространстве, но и в пространстве сверхъестественного.

Что касается рус. *знахарь* ‘лекарь и пр.’, то, как показал анализ языковых данных, для этого слова, в отличие от глагола *знать* и дериватов гнезда *ведать*, скорее следует предполагать мотивацию в рамках обыденных координат, связанную с владением объектом номинации определенным набором практических знаний и умений. Это хорошо согласуется с противопоставлением образов колдуна и знахаря в славянской народной традиции.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. СПб., 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб., 1966–. Вып. 1–.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.